

Академик Е. Косминский

Итоги и задачи советского византиноведения¹

Возможно, что тема моего доклада „Итоги и задачи советского византиноведения“ покажется некоторым из присутствующих неактуальной. Перед советской исторической наукой лежат огромные и недостаточно выполненные задачи в области новой и новейшей истории народов СССР, Запада и Востока, задачи, непосредственно связанные с самыми жизненными проблемами текущего момента. Следует ли направлять силы советских ученых на такие далекие предметы, как история Византии, закончившей, как известно, свое существование почти 500 лет тому назад, страны, ничем с текущим моментом не связанной? Не является ли это непроизводительной, а может быть и вредной тратой наших научных сил? Поэтому я принужден открыть свой доклад вопросом общего характера—что следует понимать под актуальностью, и возможно ли определять актуальность только по хронологическому признаку, по близости к нашей эпохе? Для разрешения этого вопроса надо прежде всего поставить другой вопрос—каковы основные задачи советской, марксистско-ленинской исторической науки? Конечно, задачи эти многосложны и разнообразны. Но едва ли мы ошибемся, если в числе первейших задач укажем разработку научного, материалистического понимания истории человечества. Товарищ Сталин в своем гениальном произведении „О диалектическом и историческом материализме“ ясно показал, что только путем последовательного анализа всех стадий исторического развития человечества, от первобытно-общинного строя до социалистического, возможно правильное представление о законах исторического развития человеческих обществ, возможно правильное понимание того пути, по которому идет человечество к социализму и коммунизму. Пренебрежительное отношение к какому-либо из периодов в истории человечества недопустимо для исторической науки, если она хочет действительно быть наукой. Диалектический метод есть прежде всего метод исторический, рассматривающий каждое явление в процессе развития.

Научное познание настоящего немислимо без знания того, как это настоящее сложилось. Настоящее носит в себе разнообразнейшие

¹ Доклад, прочитанный 31-го октября 1950 г. на об*единенной сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР и Отделения общественных наук Академии наук Армянской ССР, посвященной XXX годовщине установления советской власти в Армении.

элементы прошедшего. Для того, чтобы познать их и установить правильное к ним отношение, необходимо знание прошлого, знание тех эпох в истории общества, когда эти элементы возникли и были господствующими. Социалистическая революция положила конец не только буржуазному строю, но и сохранившимся в нем многочисленным пережиткам феодализма. Можно ли понять социалистическую революцию, не понимая феодального строя? Но можно ли понять феодальный строй, не зная как он сложился, как он произошел?

Все произведения классиков марксизма-ленинизма проникнуты *глубоким историзмом*. Посвятив свои силы преимущественно изучению законов развития капиталистического общества, Маркс постоянно устанавливает связь между явлениями капиталистического и докапиталистического развития. Он был глубоким знатоком истории древнего мира и т. наз. „доисторической эпохи“. В последние годы своей жизни он находил время для составления подробных „Хронологических Выписок“, посвященных истории средних веков. Глубоким, последовательным историзмом проникнуты все работы Ленина и Сталина. Говоря о социалистической революции, о роли в ней пролетариата, буржуазии, крестьянства, Ленин и Сталин постоянно ссылаются на примеры аналогии и различия с буржуазными революциями, даже с ранними буржуазными революциями XVI, XVII и XVIII вв. Свое произведение о развитии капитализма в России Ленин тесно связывает с анализом феодально-крепостнического способа производства.

Поэтому, вполне понимая важность изучения новой и особенно новейшей истории, мы не можем отрицать актуальности изучения истории средних веков и древнего мира, если мы признаем актуальность задачи научного марксистско-ленинского понимания исторического развития человечества. Актуальность, очевидно, определяется не хронологическим признаком, а чем-то другим. Чем же?

Очевидно, основным признаком актуальности с точки зрения выставленных нами положений является значение того или иного труда для развития марксистско-ленинского научного понимания истории. Мы называем актуальными те труды, которые содействуют этому пониманию, называем неактуальными те, которые ему не содействуют, независимо от того, к какому хронологическому периоду в истории человечества они относятся.

Изучение прошлого может являться актуальным еще по ряду соображений. Прежде всего прошлое не является полем мирного и безмятежного копания в фактах ушедших времен—это поле ожесточенной битвы. Глубоко ошибаются те, кто думают, что уход в изучение истории древности или средних веков—это уход от жизни с ее текущими запросами и битвами. По истории средних веков идет ожесточенная битва между прогрессивной марксистско-ленинской наукой и реакционной буржуазной наукой, главными носителями ко-

торой были прежде немецкие, а теперь англо-американские лакеи империализма.

Достаточно мне перечислить несколько основных проблем из истории средневековья, чтобы стало ясно, что здесь в упорной борьбе столкнулись непримиримые исторические мировоззрения. Борьба с буржуазной псевдонаукой, ее разоблачение и сокрушение являются одной из самых актуальных задач советских историков. При этом борьба здесь должна происходить не только в области общих методологических установок. Современная буржуазная псевдонаука не останавливается перед фальсификацией фактов, неправильным истолкованием источников, опорачиванием несомненных свидетельств исторических материалов для поддержки своих реакционных теорий. Советский историк, вступающий в борьбу с реакционными искажениями исторической действительности, должен быть во всеоружии в области методики исторического исследования.

Приведу лишь несколько вопросов из числа тех, в области которых идет в настоящее время ожесточенное наступление буржуазной науки на позиции марксизма-ленинизма, наступление, к глубокому сожалению, далеко не встречающее должного отпора у нас. Переход от античности к средним векам толкуется буржуазной наукой как плавный эволюционный процесс с отрицанием всякого скачка. *Keine Kulturzasur, keine Katastrophe*—не устает твердить виднейший представитель этой концепции—Допш.

В современной буржуазной науке полностью отрицается существование первобытно-общинного строя и провозглашается извечность частной собственности на землю. Отвергается первоначальное равенство свободных и провозглашается исконность существования знати, крупного землевладения и эксплуатации народных масс богатыми. Отрицается господство натурального хозяйства в раннее средневековье и провозглашается господство вотчинного капитализма. Современная буржуазная наука, особенно американская буржуазная наука, поднимает на щит средневековую католическую церковь, превознося ее роль, как единственного носителя культуры в средние века, принижая роль Возрождения и гуманизма, возрождая самые мракобесные теории средневекового томизма. Буржуазная наука всячески отвергает социальный характер ранних революций Нидерландской и Английской и видит в них только борьбу религиозных и политических принципов.

Все эти вопросы являются актуальнейшими политическими вопросами; вокруг них буржуазная наука ведет пропаганду мирного, не знающего революций хода истории, пропаганду извечности частной собственности, эксплуатации человека человеком, пропаганду вечности капитализма в прошлом, а стало быть несокрушимости его и в будущем, пропаганду религиозного мракобесия, утверждающую идеологическое руководство Ватикана, являющегося верным союзником и младшим партнером Уолл-стрита. На почве истории средних веков идет борьба монополистического капитала против свободы и демо-

кратии во всем мире, против марксизма и социализма, против страны Советов, против мира, за разжигание новой мировой войны в интересах англо-американского империализма. Можно ли отворачиваться от всего этого на том основании, что эти вопросы относятся к прошлому и потому неактуальны? Думаю, что ответ здесь ясен. Нет, нельзя.

Недавняя дискуссия в „Правде“ по вопросам языкознания и заключившие ее статья и ответы товарища Сталина поставили не только перед нашим языкознанием, но и перед нашей исторической наукой ряд настоятельных задач, связанных с изучением прошлого, даже очень отдаленного прошлого. Я не собираюсь поднять здесь хотя бы в кратком виде все то богатство идей, которое отличает высказывания товарища Сталина; я могу лишь указать на некоторые вопросы, имеющие непосредственное отношение к затронутой мною теме. Говоря о развитии языка, товарищ Сталин берет как отправной момент первобытно-общинный строй, с общим для родовой общины языком. Дальнейшее развитие он намечает от языков *родовых* к языкам *племенным*, от языков *племенных* к языкам *народностей*, от языков *народностей* к языкам *национальным*.

В этой последней стадии товарищ Сталин намечает такие явления, как появление капитализма, ликвидация феодальной раздробленности, образование национального рынка, развитие народностей в нации и языков народностей в языки наций. Нетрудно видеть, что здесь перед нами широкими мастерскими мазками начертанная схема сложения наций — тема, уже давно поставленная товарищем Сталиным в его гениальной работе „Марксизм и национальный вопрос“. Но совершенно ясно, что изучить процесс сложения наций, окончательно формирующихся уже в эпоху капитализма (или даже социализма) возможно лишь на почве древней истории и истории средних веков. К изучению далекого прошлого зовут нас и другие слова товарища Сталина, посвященные вопросу о происхождении языка. Отметив, что элементы современного языка заложены в глубокой древности, до эпохи рабства, товарищ Сталин говорит, что большие изменения в развитие языка вносят „дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждающегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы...“¹ „За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми“.²

Мы видим здесь широкую программу исследований в области

¹ И. В. Сталин: Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26—27, Госполитиздат, 1950.

² И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

экономической, социальной, политической и культурной истории, значительная часть которой падает на историю доклассового общества, древность и средние века.

Разработка намеченных товарищем Сталиным проблем является актуальнейшей задачей нашей исторической науки.

Итак, я полагаю, что актуальность той или иной исторической темы не определяется тем, к какому историческому периоду принадлежит эта тема.

Не следует также думать, что актуальными можно назвать только очень широкие темы, посвященные крупным вопросам или большим эпохам. Работа, посвященная самому узкому и специальному вопросу, может быть актуальной, если этот вопрос ставится не как самоцель, если уяснение его связано с основными задачами истории, как науки, если при разработке его применяется метод исторического материализма.

Марксистско-ленинская историческая наука есть подлинная наука, отправляющаяся от тщательного научного изучения фактов прошлого, осторожно строящая свои выводы на основании огромного изученного материала. Наши великие учителя и особенно товарищ Сталин всегда предупреждали нас от голого социологизирования, от обобщений, не основанных на серьезном изучении фактов, от тех, с позволения сказать, методов, которые насаждались т. н. школой Покровского. Тщательное изучение фактов, материалов, источников должно предшествовать всякому обобщению. Но, конечно, исследователь, в какую бы специальную область он ни углублялся, не должен ни на минуту упускать из виду основных задач марксистско-ленинской исторической науки. Таким образом, специальные исследования в области источниковедения, палеографии, исторической географии и др. специальных дисциплин не могут быть названы неактуальными, если они содействуют развитию, расширению и уточнению наших знаний, ведущих нас к познанию истории человечества.

Теперь нам уже легче доказать актуальность византиноведческих тем. Но здесь приходится преодолеть еще один предрассудок, который довольно крепко укоренился если не в науке, то в общественном мнении. Если заниматься прошлым, если ставить ему те или иные вопросы основного значения, то не правильно ли будет разрешать эти вопросы на основе хорошо изученного и типического материала Западной Европы, а не на истории погибшего в XV в. Византийского государства?

Против такой концепции надо возражать. Прежде всего она проникнута тем духом „европоцентризма“, который характерен для буржуазной науки Запада и который согласен признавать „историческими народами“ только народы Западной Европы, оставляя за другими в лучшем случае лишь второстепенную роль. Эта точка зрения отодвигает на задворки истории историю Восточной Европы и историю Азиатского Востока, и в конце концов служит оправданием

для колониального грабежа и завоевательных замыслов империалистических государств Западной Европы и Америки.

Для нас такая точка зрения неприемлема. Если раньше западноевропейские страны в определенные отрезки истории были прогрессивными и ведущими в области экономики, политического строя и культуры, то теперь мы должны сказать, что эти страны уже отстают, что в настоящее время больше трети всего человечества шагнуло на более высокую ступень исторического развития, чем та, на которой все еще находятся Западная Европа и Америка. Стало быть и история народов Восточной Европы и Азиатского Востока представляет не меньший интерес, чем история Запада. Для нас история Восточной Европы и Азии представляет особый интерес, так как связана с историей нашего отечества. Для нас средневековье—это не только средневековье меровингов и каролингов, Карла Великого и крестовых походов. История славянских стран, история Армении и Грузии и история тесно связанной с историей этих стран Византии должны занять в наших работах важнейшее место. В истории средневековья, особенно раннего средневековья, Византия, как политический, международный и культурный центр, играет несравненно большую роль, чем варварские и полуварварские государства Западной Европы. Вопрос о политических и культурных связях стран Восточной Европы и Закавказья с Византией играет важнейшую роль в истории этих стран в средние века. Но об этом придется подробнее сказать в дальнейшем.

Здесь придется также отвергнуть то презрительное отношение к истории Византии и византийской культуре, которое было характерно для буржуазной историографии Запада, начиная с Гиббона и Вольтера. Византия была крупнейшим культурным центром для Европы и Передней Азии, ее культура в гораздо меньшей степени носила церковный характер, чем это было принято думать и чем это старается показать современная буржуазная историография, видящая, впрочем, в этом не недостаток, а „заслугу“ византийской культуры. Проблемы международных отношений, международных связей играют все большую роль в советской историографии. Несомненно, без истории Византии невозможно не только изучение международных связей стран нашего отечества в средние века, но и стран Западной Европы, на хозяйство, политику и культуру которых Византия оказывала несравненно большее влияние, чем это принято было думать. Интерес советских историков к истории Византии является, как мне кажется, вполне оправданным.

Мне хотелось бы в главных чертах поделить тем, что сделано советским византиноведением за сравнительно очень короткий срок работы.

Когда-то русское византиноведение занимало ведущее место в буржуазной науке не только по тому авторитету, каким оно пользовалось, но и потому, что оно представляло наиболее прогрессивное течение в тогдашней буржуазной науке. Я не намерен представ-

лать русских дореволюционных ученых византиноведов чуть не предшественниками марксистского византиноведения (такого рода уклоны у нас имели место). Но нужно сказать, что русские византиноведы первыми начали изучение проблем социально-экономического развития Византии и добились в разрешении этих вопросов значительных успехов.

Развитию советского византиноведения на первых порах сильно препятствовали тенденции школы Покровского, которая была заражена беспочвенным социологизмом и погоней за ложно понятой актуальностью. Занятия историей Византии не поощрялись, как занятия давно прошедшими временами и притом не дающие почвы для легких обобщений. Кроме того, на византинистах лежало обвинение в консерватизме, в монархических и православных симпатиях. Несмотря на это, работы по византиноведению не прекращались; они велись главным образом в Ленинграде, где главным представителем византиноведения был Ф. И. Успенский, редактор «Византийского Временника». В сущности, в это время византиноведение находилось в руках старых кадров, сложившихся еще в дореволюционное время, кадров, постепенно сокращавшихся и убывавших. Школа Покровского сыграла немалую отрицательную роль, задерживая создание новых марксистско-ленинских кадров советских византинистов, замедляя подготовку и публикацию трудов и источников.

Постановление партии и правительства от 16 мая 1934 г. имело для советского византиноведения то же благотворное значение, что и для других отраслей советской исторической науки. Оживилась работа византиноведов, особенно в Ленинграде. Стали читаться спецкурсы по истории Византии, двинулась вперед исследовательская работа. Появилась первая советская История Византии проф. М. В. Левченко. Эта книга, как первый опыт марксистско-ленинского освещения истории Византии, не лишена недостатков, дает очень неравномерное освещение истории Византии, содержит немало отдельных ошибок и спорных положений. Но не надо преуменьшать значения этой книги как важного шага к разрешению общих вопросов византиноведения с позиций марксизма-ленинизма. Был подготовлен первый «Византийский Сборник», составленный преимущественно ленинградскими учеными; война задержала его выход, состоявшийся лишь после войны.

Важным моментом в развитии византиноведения было образование в Институте Истории АН СССР группы по изучению истории Византии. Эта группа возникла в 1944 г. и объединила московских и ленинградских византинистов, которые старались привлечь к общей работе византинистов других городов Советского Союза, что им отчасти и удалось. Группа по истории Византии обсуждала ряд важнейших вопросов истории Византии на своих заседаниях, выпустила три сборника, выходящие теперь под именем «Византийского Временника», выпускает в скором времени четвертый и готовит пятый. При деятельном участии группы подготовлены к печати труды выдающихся русских византиноведов, в том числе 3-й том Истории

Византийской империи Ф. И. Успенского, сдана в печать Хрестоматия—сборник русских переводов источников по социальной истории Византии. Группа готовит новые кадры византинистов, защищен ряд кандидатских диссертаций по истории Византии (З. В. Удальцовой о Виссарионе Никейском, В. Т. Горяновым о восстании зилотов, Поповым о Гемнете Плифоне, А. П. Кажданом о крестьянстве эпохи Палеологов), подготовлен и готовится ряд докторских диссертаций, идет подготовка аспирантуры (в настоящее время в Москве, в Институте истории 4 аспиранта). В Московском университете читается курс и ведутся семинары по истории Византии, в Ленинграде до последнего времени существовала даже кафедра Византийской истории, где читались общие и специальные курсы по истории Византии, истории византийской культуры, историография и источниковедение, палеография и др. специальные дисциплины. Почти ежегодно Отделение истории и философии АН устраивает сессии, посвященные специальным вопросам византиноведения. Уже на первой из этих сессий (1946 г.) была отмечена в ряде докладов необходимость изучения истории Византии для специалистов по истории средних веков, какой бы областью они ни занимались. Были прочитаны доклады на темы Византия и Русь (Тихомиров), Византия и Запад (Косминский), Византия и Восток (Пигулевская), Византия и славянские страны (Пичета). Не было, к сожалению, таких важных тем, как Византия и Армения, Византия и Грузия.

В дальнейших работах сессий по византиноведению ставился очень широкий круг вопросов; в предположенной на начало декабря 1950 года сессии намечен ряд тем, касающихся народных движений и восстаний в Византии.

В моем докладе я могу лишь очень бегло коснуться той разнообразной тематики, над которой работали советские византинисты. Я не буду здесь характеризовать работу отдельных исследователей, а дам лишь обзор тех тем, которые ставились советскими византинистами, и освещение тех результатов, которых они добились. Вы увидите какова общеполитическая важность этих вопросов, насколько они актуальны.

Первым вопросом, естественно возникающим перед историками-византинистами, является вопрос о начале Византийской истории. Когда кончается история Восточной Римской империи и начинается качественно отличная от нее история Византийской империи? Вопрос этот не может считаться решенным окончательно. Большинство историков ищет эту грань в IV в., когда судьбы Запада и Востока Римской империи решительно расходятся, когда не только экономический и культурный, но и политический центр империи переносится на Восток, когда Восточная империя окончательно отделяется от Западной и намечается резкая разница в их дальнейшей судьбе. Но высказывалась и другая точка зрения. Восточная Римская империя в IV в. продолжает быть рабовладельческой по своей основной характеристике. Резкий поворот революционного характера, лежащий меж-

ду рабовладельческим строем античности и феодальным строем средних веков, приходится на более позднюю эпоху, на начало VII в. Таким образом, уже на самом пороге изучения Византийской истории мы наталкиваемся на вопрос огромной теоретической значимости, на вопрос о переходе от рабовладельческого строя к феодальному в Восточной Римской империи, вопрос о датировке и характере этого периода. Ряд исследований советских ученых опроверг распространенную в буржуазной науке Запада версию о том, что этот переход носил мирный, плавный характер, не связан ни с каким переворотом, ни с какой катастрофой. Указание товарища Сталина на революционный характер этого перехода, на революционные движения рабов и колонов, как основной фактор того переворота, каким являлся переход от античности к средневековью, получило блестящее подтверждение в трудах А. В. Мишулина, А. Н. Машкина и ряда других ученых, занимавшихся историей Западной Римской империи. Советские византилисты показали, что эта характеристика применима и к Восточной Римской империи, хотя здесь датировка переворота несколько иная и он отличается известным своеобразием по сравнению с Западом.

Исследователи этого вопроса М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц, Н. В. Пигулевская, З. В. Удальцова, А. Д. Дмитриев показали, что на Востоке так же, как и на Западе, рабовладельческая империя была разрушена революционным движением рабов и колонов и варварскими вторжениями, которые были тесно связаны между собою. На Западе рабовладельческая империя рухнула в V в. На Востоке процесс был более длительным; начавшись в конце IV в., он был остановлен силами рабовладельческой империи, гораздо более значительными здесь, чем на Западе. В VI в. происходит своего рода рабовладельческая реакция (эпоха Юстиниана), когда рабовладельческая империя не только укрепляет свои позиции на Востоке, но и производит частичную рабовладельческую реставрацию на Западе. Второй и окончательный тур революционных движений и варварских вторжений происходит в конце VI и начале VII в. После этого Восточная Римская империя, потерявшая 2/3 своих владений в результате варварских завоеваний, совершенно обновившая свой общественный строй в результате варварской колонизации ее территорий, является совсем новым социальным и политическим образованием по сравнению с Римской империей, несмотря на сохранность многих прежних внешних признаков. Советские ученые выяснили причины большей устойчивости Восточной Римской империи по сравнению с Западной и причины, вызвавшие своеобразие ее дальнейшего исторического развития. В моем кратком сообщении я не могу останавливаться на этом подробно. Укажу лишь на меньшее развитие рабовладельческого способа производства на Востоке сравнительно с Западом, на значительную сохранность там свободного крестьянства и крестьянской общины, на сохранность городов и торговли. Вопрос

о свободном крестьянстве в эту эпоху, о его месте в рабовладельческом обществе, о его роли в процессе падения этого общества привлекал внимание ряда наших молодых исследователей. Огромный интерес представляет вопрос о тех „варварах“, т. е. неримских народах, которые овладели частями Восточной Римской империи и колонизировали те области, которые еще оставались под ее властью. Советские ученые показали решающую роль славянских племен в судьбах Восточной Римской империи.

Этим были разбиты построения западных расистов, старавшихся всячески принизить историческую роль славян.

Вопросы славянской колонизации подняты еще русскими дореволюционными византистами (например, Ф. И. Успенским) и поставлены на новую методологическую высоту советскими исследователями, особенно Е. Э. Липшиц, показавшей значительность тех перемен, которые были внесены этой колонизацией в общественный строй Византии (анализ Е. Э. Липшиц „Земледельческого Закона“). Меньше сделано для изучения тех социальных и вместе с тем этнических перемен, которые произошли в восточной части Византийской империи—вопрос об армянской колонизации Малой Азии, вопрос о тех переменах, которые эта колонизация внесла в общественный и политический строй Византии.

Вопрос о развитии феодальных отношений—центральный вопрос в истории Византии, как и в истории других обществ средневековья. Здесь основной проблемой является процесс образования крепостного крестьянства. Этот вопрос отличается большой сложностью при недостаточном материале источников. Истории крестьянства в Византии посвящен ряд исследований советских историков. Они разрабатывали историю крестьянского землевладения в VI в., эпоху перехода от рабовладельческого общества к феодальному (Старостин), причем ими был обнаружен значительный слой свободного крестьянства. Аграрными отношениями этой эпохи занимался М. В. Левченко. Специальные работы были посвящены славянской сельской общине (Липшиц). Поздне-византийский период, время династии Палеологов были предметом особого внимания советских историков. Каждый подверг анализу формы феодальной ренты в эту эпоху, обнаружив преобладание денежной ренты при сохранности и других форм ренты. Он подверг анализу формы общины поздневизантийского периода.

Критическому разбору была подвергнута тем же автором аграрная политика Македонской династии, якобы направленная на защиту крестьян от крупных землевладельцев. Автор показал, что эта политика была вынужденной, вызванной грозными крестьянскими восстаниями X в. Специально работал над вопросами истории феодализма и особенно положения крестьянства при Палеологах Горянов. Проблема восстаний крестьян, иногда в союзе с городскими низами, и влияние этих восстаний на социальное развитие Византии

были предметом ряда исследований советских византинистов; я уже говорил об исследованиях, касавшихся революционных движений рабов и колонов, а также городских димов в эпоху падения рабовладельческого строя. Специальным исследованиям подверглись также знаменитое восстание Фомы Славянина, павликианское движение, сыгравшие такую крупную роль не только в истории Византии, но и в истории Армении и славянских стран, и особенно движение зилотов в XIV в. Горянов впервые выдвинул мысль о том, что это было не чисто городское движение, а движение широких народных масс, главным образом крестьянских. Но нельзя считать, что эти вопросы уже достаточно освещены. То, что здесь сделано, может считаться лишь первыми шагами. Начатые работы интересны, главным образом, как постановка проблемы феодализации византийского общества. Но в разрешении этой проблемы имеются значительные расхождения между отдельными исследователями. В то время, как одни думают, что начало развития феодального строя в Византии можно отнести к VII—VIII вв. и что в IX—X вв. этот процесс в основном завершается, другие относят его завершение лишь к XIII—XIV вв. Здесь еще предстоит много работы.

Меньше занимались советские историки вопросом о византийском городе. Этот вопрос давно встал перед византинистами, но до сих пор не получил должного освещения, несмотря на то, что это один из самых основных вопросов истории Византии. Ведь сохранность городов, городского ремесла и торговли, огромное влияние городов, особенно Константинополя на всю экономическую, социальную и политическую жизнь Византии определили основные особенности развития византийского феодального общества по сравнению с Западом. С вопросом о городской жизни тесно связаны почти все вопросы культурной истории Византии. Но здесь на пути историка становится трудно преодолимое препятствие—скудость источников. Лучше всего изучен цеховой строй Константинополя в X в. благодаря наличию такого источника, как Книга Эпарха (Сюзюмов). Интересные данные получены по изучению вопроса о димах и факциях (А. Н. Дьяконов, М. В. Левченко, Н. В. Пигулевская). Исследования по материальной культуре Константинополя ведет Е. Ч. Скржинская. Но далеко не решены такие вопросы, как вопрос о том, имело ли место в городах Византии развитие торговой и промышленной буржуазии—вопрос, без которого остаются непонятными многие важнейшие проблемы поздневизантийской истории. В частности, без разрешения этого вопроса невозможно решить до конца проблему падения Византийской империи, проблему, в которой все еще остается не мало загадок. Во всяком случае советские историки, уделившие много внимания этой проблеме, твердо установили, что основным фактором в падении Византии следует считать не внешние обстоятельства, не турецкие нашествия, не борьбу между государствами Балканского полуострова в XIV—XV вв., не отношения с

Западной Европой, а внутренние процессы социально-экономического развития Византии и вызванную ими ожесточенную борьбу классов и партий, раздиравшую византийское общество накануне его падения. Особенный интерес представляют в этом направлении работы З. В. Удальцовой, посвятившей ряд исследований борьбе партий в Византии XV в.—латинофильской (западная ориентация), туркофильской и национально-православной. Вопросы городского развития тесно связаны с вопросами торговли. Сохранность торговых связей Византии, этого, по выражению Маркса, золотого моста между Востоком и Западом,—одна из отличительных черт истории Византии в раннее средневековье по сравнению с Западом. Здесь много сделано Н. В. Пигулевской, подвергшей тщательному исследованию источники по истории ранней торговли Византии с Востоком, особенно торговли шелком, игравшей видную роль в экономике Византии. Торговля с Западом изучалась, главным образом, за более поздний период. Историю торговых отношений Византии и Генуи освещала Е. Ч. Скржинская, историю отношений Византии и Венеции—Н. П. Соколов.

Вопросы византийской торговли тесно переплетаются с вопросами внешней политики Византии, ее международных связей, ее дипломатии, ее церковных миссий. Вполне естественно, что здесь больше всего внимания было уделено истории взаимоотношений Византии и Руси. Ни один из историков ранней истории Руси не мог пройти мимо вопроса о ее сношениях с Византией. О них писали и акад. Б. Д. Греков, и проф. Мавродин и Приселков. Проф. Тихомиров специально занимался вопросами о связях между Византией и Московским государством. Археологи, изучавшие Херсонес и другие греческие города Северного Причерноморья, не могли обойти этих вопросов. Большинство советских византинистов занималось вопросом об экономических, культурных и политических связях между Русью и Византией. Здесь надо отметить труды М. В. Левченко (особенно о Записке греческого топарха), М. В. Пигулевской, Ф. М. Россейкина и др. Здесь нет возможности хотя бы вкратце остановиться на всех тех разнообразных проблемах, которые встают перед историками при рассмотрении этих взаимоотношений. Коснусь в виде примера лишь одного, потому что здесь советская византистика столкнулась с реакционной буржуазной наукой Запада. Известный реакционный византинист Грегуар и его ученики выступили с возражениями против ясных указаний источников на походы русских против Византии до 860 г. на том основании, что в это время не могло существовать русское государство, созданное будто бы лишь впоследствии норманнами. Нелепые построения норманистской теории, опровергнутой советскими учеными—акад. Грековым и другими, буржуазные ученые выдают за последнее слово науки и обвиняют советских ученых в том, что они не хотят считаться с этими устарелыми бреднями. Но советскими учеными доказано, что государственность

существовала у восточных славян задолго до появления династии Рюриковичей. Грегуар и буржуазная наука Запада цепляются за норманистскую теорию с целью унижить историческую роль славян и особенно русских. За время мировой войны Грегуар пользовался „гостеприимством“ США и теперь усердно защищает их империалистические интересы. Так, говоря о равнодушии Европы к падению Константинополя в 1453 г., Грегуар выражает надежду, что на этот раз США не проявят такого равнодушия к судьбе древней византийской столицы. Так как Константинополю никто в данный момент не угрожает, то ясно, что Грегуар выбалтывает далеко идущие захватнические планы его американских хозяев.

Большая работа проделана в области изучения отношений между Византией и славянскими государствами. Здесь надо отметить труды покойного акад. В. И. Пичета, Н. С. Державина, Россейкина, Грацианского и многих других.

В постановке вопроса о славянско-византийских и в частности русско-византийских отношениях советская наука отошла от обычного в буржуазной науке представления, по которому Византия представляется дающей стороной, а славяне—только берущей. Не отрицая значительного вклада Византии в политическую и культурную жизнь славянских стран, советские ученые отмечают высокое социальное, политическое и культурное их развитие, вполне самостоятельное усвоение и переработку ими элементов византийской культуры, огромное обратное влияние славянских народов на весь общественный и культурный уклад Византии, в частности на народную культуру Византии, все еще изученную недостаточно.

Переоценке подвергся и обычный в Западной Европе тезис о том, что церковная и культурная связь восточных и южных славян с Византией, а не с католическим Римом, отрезала эти страны от Запада и тем содействовала их культурной отсталости. Византия была в раннее средневековье передовой в культурном отношении страной и несомненно культурнее полуварварского Запада. Притом, приняв как один из методов своих религиозных миссий распространение грамотности на языке обращенных в христианство народов, Византия содействовала развитию национальной культуры, между тем как Рим своей латынью ее подавлял.

Я подошел вплотную к вопросу о византийской культуре и ее роли в истории окружавших Византию народов. В буржуазной науке долго царило убеждение, что византийская культура носила упадочный и притом чисто церковный характер. В последнее время эта точка зрения значительно изменилась. В связи с общим стремлением западного империализма пропагандировать церковное мировоззрение с целью усыпления народных масс и противодействия их классовому самосознанию, религиозно-философские идеи Византии нашли много хвалителей на Западе. В списках литературы, выходящей в последние годы в буржуазных странах по истории Византии, преобладают

религиозно-философские и литургические темы. Советская наука стала на совсем другие позиции. Советские ученые показали, что византийская культура носила гораздо более светский характер, чем культура отсталого Запада, не говоря уже об ее значительно более высоком уровне в течение большей части средневековья. Этот характер византийской культуры объясняется не столько сохранностью в ней элементов античности, сколько сохранностью в истории Византии города, городской культуры. Советские ученые (особенно Липшиц, Левченко, Россейкин) показали развитие светских наук и искусства в Византии, развитие городской и народной культуры. В этой связи особенный интерес возбуждает эпоха VIII—IX вв., эпоха иконоборчества, которая обычно представлялась, как эпоха культурного упадка, но на самом деле была временем процветания светской культуры. Много интересных споров развернулось в связи с вопросом о так называемом византийском Возрождении и его влиянии на Возрождение Запада. Это старый вопрос, много раз поднимавшийся и в буржуазной науке. Но буржуазная наука рассматривала его почти исключительно в плане филиации идей, особенно передачи эллинского наследства из Византии в Западную Европу. Советские ученые поставили вопрос на почву выяснения того социального базиса, на котором возникают культурно-исторические явления, известные под именем гуманизма и Возрождения. Советская наука рассматривает эти явления как характерные для ранней буржуазной культуры. Имела ли место такая культура в Византии? Здесь обозначились две точки зрения. Ученые, базировавшиеся главным образом на памятниках литературы, утверждали, что в Византии имело место действительное возрождение, связанное с ростом городской буржуазии. Так, Горянов выдвигал Феодора Метохита (XIV в.) и Гемиста Плифона как характерных носителей культуры Возрождения. Искусствоведы (в первую очередь В. Н. Лазарев) настаивали на том, что явления так называемого византийского Возрождения имеют внешний и временный характер, объясняются причинами, не имеющими ничего общего с развитием буржуазии, и скоро сменяются реакционными церковными течениями. Вопрос этот еще не получил разрешения, упираясь опять-таки в малоисследованную историю городского развития Византии.

Я могу лишь упомянуть о большой работе, которая произведена в области истории византийского искусства: это недавно вышедший капитальный труд В. Н. Лазарева о византийской живописи, еще не получившей должной критической оценки. Следует отметить труды М. В. Аппатова, Н. И. Брунова. Последний занимался вопросом о связях между византийским и древне-русским искусством и показал большую самостоятельность русских мастеров-строителей ранних русских храмов и их органическую связь с народным искусством. Большая работа производится в Эрмитаже, главным образом А. В. Банк, изучающей соотношение византийского и восточного искусства.

Лишь бегло могу я коснуться больших работ по археологии, которые бросают новый свет на историю византийских колоний в Крыму, особенно на раскопки в Херсонесе. Эти раскопки позволили в частности покончить с немецкой легендой о государстве готов в Крыму и о готской культуре (главным образом труды А. Л. Якобсона).

Немалый труд проделан в области историографии, как в смысле изучения, перевода и издания трудов византийских историков, так и оценки современного византиноведения. Надо отметить труды Левченко о Синезии Киренском, об Агафии Мирянейском. В области изучения новой историографии Византии больше всего, естественно, внимания было уделено русским историкам-византинистам, особенно крупнейшим из них—В. Г. Васильевскому и Ф. И. Успенскому. Здесь надо отметить работы Горянова и Лебедева. Но эти работы слишком часто сбивались на панегирики; авторы забывали о том, что они имеют дело все же с буржуазными учеными и не отмечали должным образом их методологической слабости, их буржуазной ограниченности. Статьи Левченко и Удальцовой об Успенском ставят изучение историографических тем на почву марксистско-ленинской методологии.

Но у нас нет еще настоящей истории русского византиноведения. Тем более нет истории византиноведения на Западе. Искажения современной буржуазной западной наукой византиноведческих тем получали иногда должный отпор от наших византиноведов. Но, к сожалению, этот отпор до сих пор носил лишь случайный и спорадический характер. Несомненно, одной из очередных задач является создание труда, который охватил бы византийскую историографию от ее истоков до наших дней. Отдельные выступления (Горянов) о крупных западных историках (например, о Шарле Диле) были недостаточно критичны.

Работа ведется в области вспомогательных дисциплин, особенно в области палеографии. Здесь надо отметить заслуги покойного М. А. Шангина и Е. Э. Гранстрем.

Совсем недостаточно занимаются у нас историей византийской философии, и это обнаружилось тогда, когда Институт философии обратился к нашим византинистам за помощью в деле создания общей истории философии. Между тем все более выясняется историческое значение византийской философии и ее сильнейшее влияние на философскую мысль Запада.

С моей стороны было бы неблагодарностью не упомянуть о той большой работе, которая ведется Фундаментальной библиотекой общественных наук при АН СССР по библиографии истории Византии; здесь особенно надо отметить заслуги С. Н. Каптерева.

Мне удалось лишь отчасти осветить то, что сделано советскими учеными в области византиноведения. Но этого достаточно для того, чтобы сказать, что у нас есть советское византиноведение (некоторые зарубежные, в том числе Грегюар, это отрицают), что оно

добилось значительных успехов в сравнительно короткий срок при сравнительно ограниченных силах. Советское византиноведение сказало новое слово в области исторической науки, поставив изучение истории Византии на прочный базис марксистско-ленинской методологии. В отличие от буржуазной историографии Запада, интересующейся почти исключительно проблемами политической и церковно-религиозной истории (при этом тенденциозно искажаемой), советская историография развивала главным образом темы социально-экономического характера.

Но, указывая достижения советского византиноведения, было бы неправильно забывать о его ошибках, которые должны быть исправлены. Так, некоторые из византиноведов чрезмерно преувеличивали значение трудов дореволюционных русских византистов (особенно Васильевского и Успенского) для советского византиноведения и недостаточно точно сознавали принципиальную разницу между буржуазной наукой дореволюционной эпохи и марксистско-ленинской советской наукой. Все еще не давалось достаточно энергичного отпора реакционной науке Запада и даже наблюдалось преклонение перед нею. Недостаточно ставились задачи общего методологического характера и порой замечался уход в область мелких специальных вопросов, не имеющих общего значения.

Все эти ошибки были своевременно указаны и осознаны, и советские византиноведы приложили все усилия к тому, чтобы изжить их в своей дальнейшей работе. Сдвиг здесь налицо. Это можно видеть хотя бы сравнив III том „Византийского Временника“ с первым. Советские византилисты стремятся претворить в жизнь указания ЦК ВКП(б) о борьбе на идеологическом фронте. Конечно, и здесь сделано далеко не все, многое еще остается сделать.

Перед советскими византиноведами стоит ряд крупных задач, которые уже намечены в моем докладе. Мне надо лишь кратко их суммировать.

Должна продолжаться работа по поднятию советского византиноведения на большую теоретическую высоту путем все более глубокого овладения единственно научным методом марксизма-ленинизма и применения его к изучению истории Византии. В связи с этим должны быть поставлены на очередь все основные проблемы Византийской истории. Из этих проблем на первом месте должны стоять попрежнему проблемы истории трудящихся масс Византии, особенно история крестьянства, история его классовой борьбы. Надо обратить особое внимание на еще мало изученную историю византийского города, ввиду того, что этот вопрос упирается в ряд важнейших проблем истории Византии. Должна быть приведена в ясность история развития феодализма в Византии и связанная с этим проблема периодизации Византийской истории.

Выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания ставят перед нами малоизученный вопрос об истории народностей, входивших

в состав населения Византийской империи. Необходимо усилить борьбу с буржуазной, особенно американской буржуазной реакционной наукой, фальсифицирующей историю Византии.

Необходимо усилить работу по изданию источников по истории Византии. Особенно необходимо изучение и издание неизданных рукописей, которых еще немало остается в наших хранилищах, в частности в Ленинградской Публичной библиотеке, в Государственном Историческом музее в Москве, в Библиотеке имени Ленина.

Надо принять ряд мер организационного характера по сближению всех византинистов Союза в общей работе и по подчинению этой работы общему плану.

Мы имеем ряд предложений и к византинистам Армении, и к историкам, занимающимся историей средневековой Армении. Из народов нашего Союза ни один не связан так тесно в своем прошлом с историей Византии, как армянский народ. В связи с этим ни один народ не заинтересован в такой степени в научной разработке проблем византиноведения. Нигде в Советском Союзе не имеется такого богатого собрания источников и материалов по истории Византии и армяно-византийским отношениям, как в Государственном хранилище рукописей—„Матенадаране“. Естественно, Армения имеет все основания стать важнейшим центром византиноведения в СССР.

Мы знаем ряд армянских ученых, занимающихся темами Византийской истории и историей Армении раннего средневековья. Глубоким уважением пользуется у нас академик Я. А. Манандян, автор ряда важнейших трудов, имеющий весьма ценные планы относительно публикации рукописных сокровищ „Матенадарана“. Академик Манандян является постоянным сотрудником „Византийского Временника“. Известны работы И. К. Кусикьяна, в течение многих лет занимающегося вопросами взаимоотношений Армении и Византии. И К. Кусикьян в настоящее время работает над изучением трудов Константина Багрянородного, как источника по истории Армении.

Мы знаем ряд армянских ученых, написавших диссертации на темы, связанные с историей Византии—Г. Г. Микаэляна, защитившего докторскую диссертацию о Киликийской Армении, С. Мелик-Бахшяна, защитившего диссертацию о столь интересующем советских византинистов павликианском движении, В. Исканяна, защитившего диссертацию о связях Византии и Армении в IX—XI вв., Г. И. Гояна, защитившего докторскую диссертацию по истории армянского театра.

Мы знаем проф. В. К. Чалояна, занимающегося вопросами византийской философии.

Нам известен широкий круг армянских ученых, занятых изучением и изданием текстов, имеющих большое значение для византиноведения, таких, как проф. Е. Г. Тер-Минасян, арменист, готовящий текст Егише, проф. К. А. Мелик-Оганджян, готовящий текст Фауста Бузаида, как Л. Хачикян, А. Абрамян, ведущих

текстологические работы, таких археологов, как К. Г. Кафадарян, историков древней Армении, как С. Еремян. Несомненно, это далеко не все силы, которыми располагает Армения в области изучения истории Византии и связей между Арменией и Византией.

Совершенно ясно, что разработка вопросов истории средневековой Армении, судьбы которой тесно были связаны с судьбами Византии, особенно ее малоазиатских владений, может бросить свет на ряд недостаточно изученных вопросов истории Византии. Те крупнейшие перемены, которые происходят в раннее средневековье в общественном строе малоазиатских областей, не могут быть поняты в отрыве от истории Армении. Периодизация истории средневековой Армении, которой так много занимался С. Еремян, дает много ценного материала для разрешения спорных вопросов периодизации истории Византии.

История средневековых городов Армении, история ее торговых связей с Востоком и Западом могут бросить новый свет на ряд темных вопросов истории Византии. История средневековой культуры Армении тесно смыкается с историей византийской культуры. Особенный интерес представляет очень остро поставленная Т. Чалояном проблема армянского Возрождения. Я указал лишь несколько вопросов, в области которых армянским ученым должно принадлежать ведущее место в разработке проблем советского византиноведения. Но для плодотворности общей работы необходимо, чтобы результаты их трудов становились хорошо известными и русским ученым.

Мы знаем видных представителей византиноведения среди ученых Грузии, как проф. Каухишвили, академик Чубинашвили, проф. Меликсет-Бек, проф. Нуцубидзе и другие.

Я полагаю, что всем византинистам необходимо крепче сплотиться и выработать общий план работ. Тогда работа советского византиноведения сможет пойти еще успешнее.

В связи с этим я хотел бы выдвинуть перед армянскими историками некоторые предложения, в реализации которых особенно заинтересованы византинисты Москвы и Ленинграда:

1. Организовать издание текстов „Матенадарана“, относящихся к истории Византии и армяно-византийских отношений с параллельными русскими переводами.
2. Издать на русском языке работы армянских историков Византии, напечатанных на армянском языке. Вести регулярную информацию о вновь выходящих работах.
3. Составить историю армянского византиноведения с особым вниманием к советскому периоду.
4. Организовать совместные сессии по византиноведению для русских, армянских и грузинских византиноведов.
5. Наконец, следовало бы отказаться от все еще распространенного среди некоторых армянских историков мнения, что история Византии, равно как история средневековой Армении, „неактуальна“.